

А.В. Урядова

ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ

В статье рассматривается отношение русской эмиграции к Генуэзской конференции, ее реакция на приглашение советской делегации, изучение русским зарубежьем противоборствующих тенденций в советском правительстве по вопросам внешней политики накануне и во время конференции. Цель работы – изучить позиционирование эмиграцией себя и советской стороны в ходе Генуэзской конференции. Подобный подход к советской внешнеполитической деятельности, а также к истории эмиграции ранее не применялся.

Ключевые слова: Генуэзская конференция, русская эмиграция, РСФСР, внешняя политика.

В современной отечественной историографии история эмиграции и история РСФСР зачастую рассматриваются изолированно друг от друга. В действительности русское зарубежье внимательно следило за всем, что происходило в России. В том числе живо интересовалось советской внешней политикой: неудачи в этой области, обострение международной ситуации могли привести к падению большевистского режима, а успехи и достижение соглашений РСФСР со странами проживания эмиграции – к изменению ее статуса и положения там, а возможно, и к репатриации. В этом плане наиболее показательной является реакция эмиграции на международные конференции с участием РСФСР.

Эмигранты рассматривали правительство большевиков как незаконное. Они считали, что Советская власть будет использовать международные конференции исключительно для своего признания, а обсуждение на них «русского вопроса» даст ей для этого повод¹.

Анализируя ситуацию накануне Генуэзской конференции, эмигранты подмечали наличие трех течений в советском правительстве по вопросам внешней политики. Так, бывший депутат Государственной думы Н.В. Савич писал: «Одно возглавляется юридически Лениным, фактически вдохновляется Красиным. Оно требует соглашения во что бы то ни стало, ценой каких угодно уступок, лишь бы добиться признания советской власти... Ленин в общем поддерживает это течение, хотя для вида делает оговорки... Второе течение – Троцкий и военные, его окружающие. Наконец, третья группа – Дзержинский и Чека. Последние против поездки в Геную, против всяких уступок, против концессий иностранцам и “нового курса”. Это течение непримиримое и агрессивное... Троцкий, опираясь на Красную армию, бравируя и хвастая ее преданностью ему, старается примирить другие два течения. По духу он близок к Дзержинскому, но считает нужным участвовать в Генуе для демонстрации и пропаганды»². В наличии этих течений Савич видел остроту трений внутри правящей верхушки большевиков. Отмечал он противоречия в советской делегации и непосредственно на конференции: «Красин – за возможные и невозможные уступки лишь бы добиться признания, Литвинов – непримирим, Чичерин – виляет и еще не самоопределился»³.

Некоторые эмигранты полагали даже, что в целом происходило «полевение» верхов компартии, а поэтому ленинская политика соглашения с Западом, неприемлемая для оппозиции, явилась одной из причин его ухода от власти⁴.

Автор «Доклада об экономическом положении России к моменту начала Генуэзской конференции» отмечал две противоположные точки зрения в советских верхах на международную политику в связи с серьезным экономическим кризисом в России: «С одной стороны, Лежава и Красин придерживались взгляда, что необходимо будет войти в компромисс с иностранными капиталистами. С другой стороны, Дзержинский стоял за коммунистические принципы и защищал усиленную пропаганду внутри против капиталистических государств. Это разделение мнений скоро привело к серьезному расколу, и лидеры вынуждены были примкнуть к той или другой стороне. Ленин, Чичерин и Литвинов примкнули к Красину, Троцкий – к Дзержинскому. Отношения между этими группами стали теперь очень враждебными...»⁵ Воинственно настроенные слои эмиграции даже считали, что этот конфликт создал благоприятный момент для интервенции и восстания внутри России.

Все эти оценки во многом сходны, и они более или менее точно отражают суть разногласий в ВКП(б) и Советском правительстве.

Анализируя цели и задачи большевиков накануне конференции, эмиграция пришла к нескольким основным выводам. Во-первых, победа большевиков в Каннах к началу Генуэзской конференции их уже не устраивала. Так, Савич отмечал, что в Генуе они «увертываются от прямого признания каннских условий, ведут бесконечные споры о деталях, ссылаются на медленные сношения с Москвой»⁶. Во-вторых, представители РСФСР будут добиваться признания и кредитов и в этом вопросе ни перед чем не остановятся, будут давать любые, даже невыполнимые обещания, которым нельзя верить. В-третьих, несмотря на то, что получение финансовой помощи голодающим было одной из задач большевиков, от представителя Гуверовской организации из России в середине марта 1921 г. поступила такая информация, что в России на первом месте Генуя, на втором – голод⁷ (то есть сначала задачи политические, а уж затем гуманитарные). Савич резюмировал: «Сущность всего происходящего в Генуе... добиться признания меморандума большевиками и большевиков державами»⁸.

Русский поэт-сатирик Л.Г. Мунштейн так писал о целях советской делегации на конференции и о цене вопроса:

Из этой встречи: дипломат,
Любимец дам, «синьор Чичерин»
Стяжать признание намерен,
А за «признание и кредит»
Он ничего не пощадит...⁹

Генуэзской конференции эмигрантская печать уделила больше внимания, чем предыдущим конференциям, понимая ее важность для судеб России и эмиграции. Точки зрения разных групп эмигрантов по поводу влияния на переговорный процесс в Генуе расходились. Противники приглашения Советского правительства на конференцию предлагали послать на нее представителей эмиграции. Газета «Последние новости» и ее главный редактор П.Н. Милоков возражали против этого, исходя из того, что эмиграция не должна иметь никакого касательства к решениям, могущим связать Россию в духе заключенных большевиками договоров.

Пристальное внимание подготовке и проведению конференции уделял берлинский «Руль». В газете выражалась надежда на то, что отрицательная позиция Франции и США в отношении участия советских представителей возобладает над английской¹⁰, однако, как известно, этого не произошло. «Руль» был вынужден констатировать, что общая позиция конференции была такова, что победа большевиков в борьбе за власть представлялась оче-

видной уже давно¹¹. Газету удивляло и раздражало приглашение большевиков и общее отношение к ним на конференции¹², поражали их поведение и даже одежда¹³. «Голос России», представлявший эсеров, выражал мысль большинства эмигрантов о том, что большевики не могут представлять русский народ, поскольку отстаивают не его, а свои интересы. С одной стороны, газета писала о том, что большевики согласятся на что угодно, лишь бы получить международное признание¹⁴, с другой – подчеркивала, что буржуазия Европы слепая в отношении большевизма, не понимает его истинной природы¹⁵, а отсюда и приглашение представителей РСФСР на конференцию.

Как считал советский исследователь П.А. Подболотов, меньшевистское руководство заняло двойственную позицию в вопросе о международном признании Советской России. Принимая декларации в поддержку требований о снятии империалистической блокады, меньшевистские лидеры на деле стремились воспрепятствовать установлению деловых отношений РСФСР с капиталистическим миром, подтверждением чему он считал «клеветническую кампанию» во время подготовки Генуэзской конференции. Имеется в виду письмо, написанное накануне конференции П.Б. Аксельродом лидеру II Интернационала Вандервельде, с протестом против арестов меньшевиков в Советской России¹⁶. Сами меньшевики писали, что их партия вела кампанию за признание Советской России¹⁷. В действительности же партия разделилась в вопросе признания. Так, перед конференцией ЦК РСДРП совместно с ЦК Бунда (социал-демократического) издал воззвание к социалистическим партиям и рабочим организациям, предлагая им добиваться, чтобы конференция была использована для признания России. При этом «важно, однако, не только признание, но и условия его... Признание должно сопровождаться не превращением России в колонию Западно-Европейского капитала, а энергичной, действительной финансовой помощью... Интересы русской революции и международного пролетариата одни и те же, и во имя этих общих интересов, во имя истекающего кровью народа... во имя умирающих женщин и детей, мы призываем вас: придите на помощь России»¹⁸. Ю.О. Мартов же считал это воззвание слишком левым. Он писал в Бюро ЦК в Москву, что этот документ, не содержащий ни слова критики Советской власти, является «слабым и несвоевременным».

По мере охлаждения партии к идее единого фронта, ее кампания за признание становилась сдержанней. Аксельрод шел дальше и считал, что признание советского правительства возможно при выполнении им определенных условий и требований¹⁹.

К самой конференции меньшевики относились критически. Они видели в ней, с одной стороны, попытку западных колонизаторов проникнуть в Россию, а с другой – стремление большевиков получить кредиты не на хозяйственные нужды, а на укрепление Советской власти.

Активную позицию занял в отношении конференции Торгово-промышленный союз. В марте 1922 г. он распространил декларацию, в которой сформулировал свою позицию относительно сотрудничества западных стран с Советской Россией. Союз принял меры для создания единого агитационного центра для влияния на общественное мнение Западной Европы. Его делегация была послана на конференцию. Несмотря на свое неофициальное положение, она, несомненно, оказывала определенное влияние на французскую и бельгийскую делегации, предоставляя им информацию и справки о положении в России. Члены делегации союза предпринимали все меры, чтобы доказать несбыточность надежд на использование русских рынков. Отчасти это им удалось, в особенности по отношению к французским и бельгийским делегатам, с которыми у них установилось полное единодушие по вопросу о русских долгах.

Русский национальный комитет обращался с меморандумами к странам – участницам Генуэзской конференции²⁰, в которых говорилось, что, признавая власть большевиков, нельзя помочь России. В них отмечалось, что цель большевиков на конференции – не экономическое возрождение России, а укрепление своего собственного финансового положения, а также приращение своего «политического капитала»: если их и не признают, конференция все равно явится великолепной трибуной²¹. РНК полагал, что приглашение большевиков в Геную – это ложный шаг, и он не только не будет способствовать экономической стабилизации в Европе и в России, а, напротив, отсрочит ее. Главную проблему комитет видел в том, что РСФСР не может дать гарантий, а без них международный капитал все равно не будет работать в России²².

В протесте бывших членов Правительствующего сената и в обращении их к сенаторам и правительствам Европы и Америки с призывом против приглашения представителей Советской власти на Генуэзскую конференцию говорилось, что сам факт их приглашения признает их равными среди равных и «как бы санкционирует их преступную деятельность». Они предупреждали, что если некоторые государства и признают большевистскую власть, то это признание не будет иметь юридической силы для русского народа, никогда не избравшего большевиков своим правительством²³.

Меморандумы, письма, петиции в адрес конференции писали самые разнообразные эмигрантские организации. Учредительное собрание, возглавляемое эсерами и кадетами, приняло резолюцию о том, чтобы на Генуэзскую конференцию не были допущены представители Советской России²⁴. Русская сельскохозяйственная ассоциация крестьян, казаков, агрономов, сельхозкооператоров, проживавших в Чехословакии, также составила меморандум, в котором указывалось, что современное правительство не признано и никогда не будет признано русским народом как законное, поэтому его представительство в Генуе никоим образом не может рассцениваться как участие России в данной конференции, и русский народ не несет ответственности за те решения, которые будут приняты на ней²⁵. Некоторые организации, кроме меморандумов, отправляли в адрес Генуэзской конференции обстоятельные доклады и записки о положении в России (например, Комитет русских банков), пытаясь убедить иностранные державы в невозможности сотрудничества с Советами.

Генуэзская конференция взволновала не только русских политиков и промышленников, но и армейские круги, о чем свидетельствуют информационные сообщения и сводки, поступающие в штаб главнокомандующего русской армией генерала П.Н. Врангеля²⁶. Не осталась в стороне и Русская православная церковь. От имени Всезаграничного собора РПЦ было издано «Послание к Генуэзской конференции»²⁷. По сути, это был призыв к государствам – участникам Генуэзской конференции прекратить все отношения с Советской Россией и просьба о помощи русской эмиграции в свержении большевизма и восстановлении монархии.

В.А. Маклаков высказывал свое мнение относительно Генуи не только в личных письмах, но и в публичных выступлениях, предупреждая и пытаясь воздействовать на западное общественное мнение, прежде всего французское. Он и С.Н. Третьяков накануне конференции сделали доклады в Société d'étude перед комиссией французских сенаторов²⁸.

В. Белов, один из первых советских историков эмиграции, что называется, по «горячим следам», писал о различном отношении эмигрантов к участию в конференции советской делегации: одно – состоятельной и влиятельной эмиграции (негодование, насмешки, досада, уверенность, что все равно ничего не выйдет), другое – широких слоев эмиграции, у которых, как он считал, было больше «здорового смысла, политического чутья и справедливости в оценке вопроса об исходе переговоров». И в этом он видел не столько отход от антибольшевистской позиции, сколько рациональность и политическую трезвость. Он так писал о второй

группе: «К Генуе же она отнеслась, как больной относится к горькому лекарству, о необходимости которое принять он знал уже давно и только старался об этой неприятности не думать и по возможности ее оттянуть»²⁹. Эта оценка достаточно точно отражает реакцию эмиграции на конференцию и еще больше, на наш взгляд, подходит для оценки рапалльских соглашений, которые многими эмигрантами воспринимались не только как неизбежность, но и как необходимость.

Другой советский исследователь, П.А. Подболотов, уже в 1970-е годы выделял три лагеря, на которые формально разбилась русская эмиграция накануне конференции по поводу признания: «Монархисты, кадеты и парижская группировка эсеров открыто выступали против признания, правые эсеры во главе с Черновым заняли внешне “нейтральную” позицию, меньшевики объявили себя сторонниками признания. Фактически же вся политическая эмиграция вела борьбу за срыв дипломатической миссии советской делегации на Генуэзской конференции»³⁰.

Как считал экономист-эмигрант С.О. Загорский, к тому времени «русский вопрос» был не только и не столько вопросом о большевиках, сколько вопросом о России. В этом он видел проблему установления единого европейского фронта, поскольку речь шла не о борьбе с Советами, а о своекорыстных интересах отдельных стран: «Россия стала козлом отпущения в той политической борьбе, которая происходит в международных отношениях после войны»³¹. Поэтому и Генуэзская, и более поздняя Гагская конференции, по его глубокому убеждению, могли быть поняты лишь в связи с международной обстановкой.

Оценивая роль различных стран в конференции, большинство эмигрантов выделяло прежде всего Англию. Они считали, что английская делегация больше всех была готова к уступкам³². Д. Ллойд Джордж приехал в Геную, чтобы примирить два непримиримых полюса³³, и именно он невидимо всем дирижировал³⁴. П.Н. Милуков полагал, однако, что по ходу конференции последний «охладел к экономическому восстановлению России и перестал проявлять уступчивость», поэтому большинство вопросов и были перенесены на Гагскую конференцию. Он связывал это с тем, что советское правительство до начала переговоров заключило с Великобританией соглашение относительно нефти, поэтому вмешались США, не желавшие монополии Англии в этом вопросе и потребовавшие политики «открытых дверей»³⁵.

Корреспондент «Руля» во Франции считал ее правительство очень непоследовательным в «русском вопросе». Он писал: «Может казаться, что решительное нежелание идти на какой-либо

компромисс с большевиками сменяется здесь столь же решительной готовностью с ними примириться. В действительности, однако, основные тенденции политики Франции в русском вопросе все те же, хотя мы и должны быть готовы к разного рода сюрпризам, которые в общем едва ли изменят отношение Франции к России»³⁶. В целом же «Руль» расценивал позицию Франции как достаточно разумную и взвешенную. Как и в США, он видел во Франции возможный заслон пробольшевистским решениям конференции.

С этим соглашались и другие эмигрантские публицисты, отмечая, что Франция была непоколебима в своем мнении, что советское правительство не способно выполнить выдвигаемые условия³⁷. Им было понятно, что цель бельгийцев и французов состояла в обеспечении своих материальных интересов, оставшихся в России, а итальянцев – в превращении юга России «в такие же итальянские колонии, какие были на юге России в средние века у их великих генуэзских предков»³⁸. У всех были свои интересы, вокруг которых и шла борьба.

Среди основных вопросов эмигрантские общественные деятели выделяли три, связанных непосредственно с самой конференцией: 1) борьба вокруг вопроса о существующих политических группах среди европейских государств; 2) нефтяной вопрос; 3) антибольшевистский конец конференции³⁹.

Несмотря на негативное в целом отношение к участию советской делегации в конференции и попыткам западных стран пойти на сближение с РСФСР, все же большинство деятелей эмиграции оценивало Геную как безусловный политический успех советских представителей, особенно в начале конференции⁴⁰. В одном из писем Б.А. Бахметьеву Маклаков писал, что Генуя стала поворотным пунктом в европейских отношениях, и крушение, которое постигло большевиков в Генуе, лишь видимое – напротив, ситуация в отношении их изменилась коренным образом («психологический Рубикон, который отделял Европу от большевизма, перейден») ⁴¹. Это, по его мнению, может повлиять и на деятельность эмиграции, поскольку Европа больше не поддержит антисоветские группировки. Он так подвел итог деятельности русского зарубежья: «Надежда на то, что будущая Россия вырастет из антибольшевистских группировок, из кадра эмиграции, окончательно всеми покинута. Были два года, которые были нам даны, чтобы овладеть Европой, и они были нами потеряны»⁴².

Если с политической точки зрения конференция считалась эмигрантами победой и дипломатическим успехом большевиков, то с позиций экономических, да и практических в широком смысле этого слова, многие подчеркивали отсутствие результатов.

Одни вопросы оказались совершенно неразрешимы, другие (например, о разоружении) были перенесены на Гаагскую конференцию. Точку зрения практической безрезультатности конференции отстаивал на своих страницах «Руль»: во-первых, все заключенные Советской Россией договора – формальны, являлись лишь проектами будущих соглашений, и газета опасалась продолжения переговорных процессов в Гааге; во-вторых, задача восстановления хозяйственной жизни Европы была подменена другой – «принятием советского строя в международное общение». «Руль» связывал это с тем, что отношение иностранных государств с Советской властью строилось на двух заведомо ошибочных предпосылках: 1) на том, что с Советами вообще возможно соглашение, 2) что советский строй поддается внешним влияниям и изменениям. Практическую значимость газета видела лишь в Рапалло. В целом же, по мнению редакции, конференция послужила росту советского престижа, чем нанесла ущерб русской эмиграции⁴³.

Оценивая требования сторон, Милуков считал, что они уже сами по себе заключали причину неудач конференции: требовали от России публичного признания долгов и обязательств, восполнения ущерба, восстановления системы производства и в то же время декларировали принцип невмешательства в экономическую жизнь других стран. Среди других причин неудач конференции он называл также отсутствие единства внутри как западных, так и советской делегаций, изменение стратегии советской делегации после поступления из Москвы инструкции, предписывающей ей быть непримиримой и отстаивать свои позиции⁴⁴. С последним согласился Л.М. Неманов, указывая, что 1 мая большевики внезапно «переменили фронт». Это был день, когда была получена инструкция от В.И. Ленина, предписывающая в том числе прекратить уступки. Именно тогда, как отмечает журналист, стало ясно, что из конференции ничего не выйдет⁴⁵.

Член РНК Ю. Семенов, оценивая конференцию, считал, что ее завершение с полным правом можно назвать антибольшевистским: был достигнут не мир, как того желали Советы, а лишь перемирие⁴⁶. П. Гарви полагал, что Генуэзская конференция кончилась ничем, «но в последнюю минуту Красной дипломатии удалось использовать критическое положение Германии и заключить договор в Рапалло», что и явилось единственным, с его точки зрения, реальным результатом конференции⁴⁷.

Газета «За свободу» в качестве одного из последствий срыва Генуэзской конференции называла рост большевистской агитации⁴⁸. По точному замечанию В. Даватца, после Генуи каждое новое признание Советской России стало совершаться буднично, перестало

А.В. Урядова

вызывать надежды⁴⁹ и, добавим от себя, резкое неприятие у эмиграции. Но для того времени пересмотр старых отношений казался чем-то новым.

Таким образом, эмигрантские политики и публицисты довольно объективно оценивали результаты Генуэзской конференции, отмечая ее «плюсы» и «минусы» и вполне осознавая, что для большевистского режима она стала еще одним шагом к признанию.

Примечания

- 1 ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
- 2 Библиотека-фонд «Русское Зарубежье» (РЗ). Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 68об.–69.
- 3 Там же. Л. 83об.
- 4 ГА РФ. Ф. 7518. Оп. 1. Д. 4. Л. 24об., 27об.
- 5 ГА РФ. Ф. 5872. Оп. 1. Д. 175. Л. 1.
- 6 РЗ. Ф. 7. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 83.
- 7 Там же. Л. 68об.
- 8 Там же. Л. 89об.
- 9 *Мунштейн Л.Г.* (Лоло) *Genova la Superbe* // Мунштейн Л.Г. (Лоло) *Пыль* Москвы: Лирика и сатира. Париж, 1931. С. 69–70.
- 10 Речь Ллойд-Джорджа // *Руль*. 1922. 30 марта.
- 11 Победители // *Руль*. 1922. 14 апр.
- 12 Волшебство // Там же.
- 13 О прикосновенности частной корреспонденции // *Руль*. 1922. 7 апр.
- 14 Накануне Генуи // *Голос России*. 1922. 9 апр.
- 15 Печать и жизнь. Два фронта // *Голос России*. 1922. 6 апр.
- 16 *Подболотов П.А.* Крах эсеров-меньшевистской контрреволюции. Л., 1975. С. 97.
- 17 *Волин С.* Большевик в первые годы НЭПа // *Меньшевики после Октябрьской революции: Сборник статей и воспоминаний*. Newton, 1990. С.143.
- 18 *Социалистический вестник*. 1922. № 5 (27).
- 19 Там же. С.143–144.
- 20 ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 23. Л. 38–43; Ф. 6096. Оп. 2. Д. 1. Л. 7–10.
- 21 ГА РФ. Ф. 5680. Оп. 1. Д. 23. Л. 40.
- 22 ГА РФ. Ф. 6790. Оп. 1. Д. 3. Л. 2.
- 23 ГА РФ. Ф. 6055. Оп. 1. Д. 21. Л. 1.
- 24 *Попов Н.Н.* Мелкобуржуазные антисоветские партии. М., 1924. С. 62.
- 25 ГА РФ. Ф. 5760. Оп. 1. Д. 5. Л. 31.
- 26 ГА РФ. Ф. 7518. Оп. 1. Д. 4. Л. 142–147.
- 27 Деяния Русского Всеамериканского Церковного Собора. Сремски Карловцы, 1922. С. 151–156.
- 28 Накануне. 1922. 26 марта.

- 29 *Белов В.* Белое похмелье: Русская эмиграция на распутье: Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время. М.; Пг., 1923. С. 132.
- 30 *Подболотов П.А.* Указ. соч. С. 97–98.
- 31 *Загорский С.О.* Русский вопрос в Генуе и Гааге. Б.м., б.г. С. 264–265.
- 32 Там же. С. 284.
- 33 *Неманов Л.М.* За кулисами Генуи // Руль. 1922. 21 мая.
- 34 *Даватц В.* Годы: Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926. С. 162.
- 35 *Милуков П.Н.* Россия на переломе: Большевистский период русской революции. Т. 1. Происхождение и укрепление большевистской диктатуры. Париж, 1927. С. 303.
- 36 *И.А.* Колебания в русском вопросе (письмо из Парижа) // Руль. 1922. 24 марта.
- 37 *Загорский С.О.* Указ. соч. С. 284.
- 38 *Неманов Л.М.* Указ. соч.
- 39 ГА РФ. Ф. 6096. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
- 40 *Загорский С.О.* Указ. соч. С. 284.
- 41 «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметьев – В.А. Маклаков. Переписка, 1919–1951. Т. 2. М., 2001. Т. 2. С. 313.
- 42 Там же. С. 314.
- 43 Продолжение следует // Руль. 1922. 19 мая; *Nic salta* // Руль. 1922. 30 мая; Наперекор здравому смыслу // Руль. 1922. 21 июня.
- 44 *Милуков П.Н.* Указ. соч. С. 299–302.
- 45 *Неманов Л.М.* Указ. соч.
- 46 ГА РФ. Ф. 6096. Оп. 2. Д. 2. Л. 1.
- 47 *Гарви П.* Закат большевизма. Рига, 1928. С. 14.
- 48 За свободу. 1922. 17 марта.
- 49 *Даватц В.* Указ. соч. С. 161.